

УДК 340

**ОРГАНЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО СУДА
В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ СЕРЕДИНЫ XVII ВЕКА**

Упоров И.В.

д.и.н., к.ю.н., профессор

Краснодарский университет МВД России

Краснодар, Россия

Аннотация: Рассматриваются особенности судостроительства и судопроизводства в Московском государстве середины XVII в. с точки зрения судебных полномочий государя и Боярской думы по преступлениям против государства. Анализируются нормы Соборного уложения 1649 г. и других правовых актов, научные труды по заявленной теме. Отмечается, что в тот период уже сформировались признаки абсолютистского государства, в котором все важные решения политического характера, включая определение виновности и меры наказания для политических преступников, не могли приниматься без санкции государя.

Ключевые слова: судопроизводство, государь, Боярская дума, приговор, наказание, извет, Соборное уложение.

***BODIES OF THE POLITICAL COURT
IN THE MOSCOW STATE IN THE MIDDLE OF THE XVII CENTURY***

Uporov I.V.

Doctor of History, Ph.D., Professor

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Krasnodar, Russia

Annotation: The features of the judiciary and legal proceedings in the Moscow State in the middle of the 17th century are considered. from the point of view of the judi-

cial powers of the sovereign and the Boyar Duma in cases against the state. The norms of the Council Code of 1649 and other legal acts, scientific works on the stated topic are analyzed. It is noted that at that time signs of an absolutist state were already formed, in which all important decisions of a political nature, including the determination of guilt and punishment for political criminals, could not be made without the sanction of the sovereign.

Key words: legal proceedings, sovereign, Boyar Duma, verdict, punishment, izvet, Cathedral Code.

В Московском государстве, как известно, еще не было разделения ветвей публичной власти, а форма правления уже сложилась как абсолютизм. Соответственно высшая судебная власть принадлежала государю (великому князю, царю), который, однако, физически был не в состоянии выполнять судебную функцию на регулярной основе, и становился практическим судьей только тогда, когда речь шла о важных делах политического характера, которые могли угрожать устойчивости его властного положения. Вместе с тем считать государя как совершенно самостоятельного судью представляется не совсем верным, поскольку свою деятельность по управлению государством, включая сферу судопроизводства, государь осуществлял в непосредственном взаимодействии с Боярской думой, - российской аристократией Московского государства того времени. При этом и Боярская дума также не являлась законодательно обособленным судебным органом. Тем не менее, государь и Боярская дума все же различались в реализации судебных функций, и особенно заметно это было в отношении как раз преступлений против государства (формировались и функционировали также нижестоящие органы судебного характера, в частности, Расправная палата Боярской думы, приказы, воеводы, губные и земские избы, рассматривавшие текущие дела, - таковые здесь не затрагиваются).

Так, в Соборном уложении неоднократно упоминается о государе как органе политического суда, причем совершенно очевидно можно заключить,

что государь участвует в отправлении правосудия лишь на заключительной стадии, устанавливая приговор – «вершение». Так, согласно ст. 2 Главы 7 при определении материального положения семья осужденного изменника указывается, что «на прожиток из вотчин и ис поместей им оставить, что государь пожалует» [1]. Уложением предусматривается также непосредственное решение государем по такому делу, в котором розыск осуществляется без улик и свидетелей: Так, согласно ст. 12 Главы 2 «А будет кто на кого учнет извещати великое государево дело, а свидетелей на тот свой извет никого не поставит, и ни чим не уличит, и сыскать про такое государево великое дело будет нечим, и про такое великое дело указ учинить по рассмотрению, как государь укажет» [1] (ст.12 Глава 2).

При этом Уложение содержит нормы, по которым государь осуществляет судопроизводство (разумеется, на финальных стадиях) совместно с боярами, и это тоже касается преступления против государства в виде измены. Характерной является ст. 33 главы 20: «А будет кто изменит, из Московскаго господарства отъедет в и(ы)ное господарство, а после его людем его по государеву указу и по боярскому приговору дана будет воля ...». Как видно, здесь говорится о судебном решении, который должен был вынести государь по согласованию с боярами, что и представляло собой взаимодействие государя и бояр в политическом судопроизводстве. Об этом же свидетельствуют и применяемые в приговорах типичные формулировки, например: «государь указал и бояре приговорили», «по государеву указу бояре приговорили», «указал государь быть по сему боярскому приговору», «государь указал», «бояре приговорили». Комментируя такого рода нормы, М.Ф. Владимирский отмечает, что, вероятно, «или дело решается в одновременном и совместном заседании думы и царя, или дума решает одна по предварительному полномочию царской власти» [2, с. 172].

Реже встречается вот такая формулировка: «указал государь быть по сему боярскому приговору». Очевидно, имелся в виду судебный порядок, когда государь, не давая полномочий решать, дает возможность боярам обсудить

представленное дело, или, в другой ситуации, бояре предлагали решение, требовавшее санкции государя. Здесь в выражении «бояре приговорили» возникает еще один вопрос о том, означает ли это, что имелся ли перечень составов преступлений, по которым бояре могли сами выносить судебное решение, без санкции государя. В этой связи нужно отметить, что, видимо, имела значение текущая общественно-политическая обстановка. Например, в период Смуты, властным центром была Боярская дума, и в этом выражение «бояре приговорили» означало, что этот орган выносил окончательное решение.

Аналогично можно говорить и о периоде малолетства монарха (например, в первые годы царствования Михаила Федоровича), когда бояре за измену приговаривали к смерти, и при этом из решений нельзя было уловить указания на предварительный государев указ или последующую государеву санкцию [3, с. 24]. В дальнейшем Боярская дума самостоятельно решала дела по изветам в отношении государя, некоторые из которых заканчивались для обвиняемых не только батогами и кнутом, но и ссылкой и урезанием языка [4, с. 186-187]. Боярская дума выносила решения и по другим менее значимым политическим преступлениям, в частности, это касалось искажений в наименовании государя, что расценивалось как посягательство на власть [5, с. 331].

Однако, как отмечают многие исследователи, Бояре лишь предлагали, используя современную терминологию, лишь проект судебного решения, который требовал утверждения (одобрения) государя. При этом нередко государевым указом предложенное боярами наказание смягчалось, и такая «государева милость», без сомнения, использовалась для политических целей, в частности, для создания более благородного облика монаршей власти. Еще одна особенность судопроизводства по государственным преступлениям применительно к формуле «бояре приговорили» заключается в том, что бояре были более ограничены в вынесении оправдательных приговоров по сравнению с приговорами обвинительными. Так, в 1635 г. тюремный сиделец Тархов извещал Муромскому воеводе на дьякона Акима, что тот дьякон «являл при нем государево дело».

Дьякон это отрицал, и свидетели, им указанные, опровергли извет. Бояре, которые слушали это дело, вместо того, чтобы вынести решение, «поговорили, как государь укажет», и государь вынес дьякону оправдательный приговор [6, 15].

Как видно, компетенция Боярской думы не была абсолютно, и неизменно подразумевала согласие царя, и без такого согласия ни один боярский приговор не мог быть исполнен, и даже, как показывает анализ документов, в некоторых случаях даже неупоминание в приговоре государя не означало отсутствие его указания – оно могло проявиться косвенно, и вполне вероятно, устно.

Представляется необходимым далее выяснить вопрос о том, имелся ли перечень уголовно-политических дел, по которым государь обязан был бы испрашивать мнение Боярской думы, то есть тех дел, где участие думы было обязательным. Дело в том, что такой подход уже не был чужд правосознанию в России XVII в. Так, при царе Василии Шуйском практиковалось привлечение Боярской думы во время следствия и суда по наиболее тяжким делам, за которые могло быть наказание в виде смертной казни и конфискации имущества. Кроме того, в литературе встречается упоминание и того, что и при царе Михаиле Федоровиче также это было правилом, более того, при нем существовал круг уголовных дел по политическим преступлениям, где бояре должны были высказывать свое мнение непременно [4, с. 112].

Правда, были исключения. Одно из них касалось известного дела Салтыковых, обвиненных в «изменном оклеветании» царской невесты Хлоповой. Окольничие Борис и Михаил Салтыковы сказали Михаилу, что эта болезнь (проявляющаяся в частой рвоте) очень опасна и препятствует деторождению. Царь не стал решать дело сам, созвал собор, и тот постановил лишить Хлопову звания царской невесты и сослать ее в Нижний Новгород [7, с. 133]. Но когда приехал Филарет, на семейном совете было решено поискать невесту для Михаила в иностранных правящих домах. Была предпринята попытка просить руку племянницы датского короля, но так как он в то время болел, вопрос остался открытым. Потом пытались высватать сестру бранденбургского курфюрста, но в

этом случае препятствием стали разные вероисповедания. В 1623 г. Было решено пересмотреть дело Хлоповой. Выяснилось, что она живет в Нижнем Новгороде в полном здравии, а вся история с ее неизлечимой болезнью выдумана Салтыковыми. Они специально оговорили девушку, поскольку питали неприязненные отношения к ее родственникам. После выяснения обстоятельств этого дела Салтыковы были высланы из Москвы. [4, с. 133]. Здесь при рассмотрении деяния Салтыковыми имело место отступление от установленного тогда порядка: «государь и патриарх велели послать вас по деревням, а поместья ваши и вотчины отписать на себя, государя». Но и это исключение относительно, поскольку в тексте приговора выше указанной выше результирующей формулировки, наличествуют сведения о том, как «государь с боярами расспрашивал, розыскивал и с очей на очи ставил» [8 с. 256].

В рассматриваемый период встречается ссылка на еще одно интересное положение о «приговоре всех бояр». Однако эта формулировка встречается весьма редко. Тем не менее в совокупности с вышеизложенными рассуждениями можно говорить о том, что Боярская дума была неизменным и по всей видимости необходимым органом правосудия по наиболее важным государственным преступлениям [9, с. 67]. Такое положение со временем было закреплено законодательно. Так, согласно ст. 33 Главы 20 Соборного уложения «А будет кто изменит, из Московскаго господарства отъедет в и(ы)ное господарство, а после его людем его по государеву указу и по боярскому приговору дана будет воля, и те его люди с воли бьют челом кому в холопство, а после того тот изменник из и(ы)змены воротится, и государь пожалует его, положит на милость, за ту его измену смертью казнити его не велит, и ему людей к себе приимати внов, кто у него в холопстве быти похочет, а до тех его людей, которым без него дана будет воля, дела ему нет» [1].

Но при этом, напомним, речь идет именно о наиболее важных делах. Это важно сделать потому, что по менее важным делам, например, по делам «о непристойном слове» в отношении монарха преобладает весьма лаконичная

формула - «государь указал», и здесь мнение бояр, как правило, не испрашивалось [10]. Такая практика опиралась на то обстоятельство, что субъектами преступлений «о непристойном слове» были обычно лица низших сословий, которые высказывались, зачастую будучи в нетрезвом состоянии, и серьезной опасности для государства они не представляли. И соответственно дела в уголовно-процессуальном плане и, главное, в общественно-политическом контексте, сложностей не вызывали, и решались без обсуждения с боярами, для которых эти дела также не представляли интереса. Однако эта норма в судебной практике царя Алексея Михайловича постепенно урезалась путем ограничения участия Боярской думы при принятии решений [3, с. 25]. А его сын, Петр I, как известно, довел эту тенденцию до логического завершения, упразднив Боярскую думу и как субъект власти вообще, и как судебный орган в частности.

Библиографический список

1. Соборное уложение 1649 года: Текст и комментарии / Под ред. А.Г. Манькова. Л.: Наука, 1987. 448 с.
2. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. СПб.-Киев: Типогр. Оглоблина, 1905. 712 с.
3. Рябченко А.Г., Гиш М.Р. Уголовно-правовое регулирование составов преступлений против государства и ответственности за их совершение в самодержавной России XVII в. // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2012. № 1 (15). С. 22-26.
4. Новомбергский Н. Слово и дело государевы. Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича. 1649 г. М., 1911. Т. 1. 693 с.
5. Акты Московского государства: изд. имперской Академией наук / Под ред. Д.Я. Самоквасова. СПб., 1891. Т. 3. 671 с.
6. Акты Московского государства: изд. имперской Академией наук / Под ред. Н.А. Попова. СПб., 1890. Т. 2. 773 с.

7. Берх В. Царствование царя Михаила Федоровича и взгляд на междуцарствие. СПб.: Типогр. Хинце, 1832. Ч. 1. 301 с.
8. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1822. Т. 3. 540 с.
9. Высшие органы государственной власти и управления России IX-XX вв. / Под общ. ред. А.С. Тургаева. СПб: Образование-Культура, 2000. 368 с.
10. Рябченко А.Г., Руденко К.И. Политика Московского государства в сфере уголовного судопроизводства во второй половине XV–XVII вв. // Общество и право. 2013. № 3 (45). С. 26-30.

Оригинальность 86%